

*Моему отцу,
который теперь
на другой стороне*

Желание вернуться домой — это желание стать целостным, найти свое место, быть точкой, в которой сходятся все линии, соединяющие все звезды Вселенной, быть создателем галактик и центром мира, тем центром, который называется «любовь». Это как пробудиться ото сна, встряхнуться, укротить дикого зверя, дать душе разгуляться, укрыться во тьме или вспыхнуть ярким пламенем, молчать, но при этом быть понятым.

Ребекка Солнит

«Если добьюсь успеха здесь, то смогу повторить его где угодно».

Саундтрек из фильма «Нью-Йорк, Нью-Йорк»

Вы сразу поймете, кто я.

Мы, мертвые девушки, встречаемся достаточно часто. Если не вдаваться в подробности, наши истории выглядят одинаково. Такое случается, когда кто-то посторонний рассказывает, что произошло, говорит так, словно знал нас. Они перебирают наши останки, лепят новых персонажей из праха. Именно эти персонажи — лишь чужое воспоминание о тех, кем мы были раньше — и остаются живым.

Если я расскажу вам свою историю, если дам знать, что со мной случилось, может, вам удастся понять, кем я была. Кто я *есть*. Вдруг правда обо мне понравится вам больше, и тогда вы начнете желать того же каждой мертвой девушке — возможности говорить за себя, быть известной не только своей смертью.

Разве это не здорово? После того, что у нас отняли.

ОДИН

Первое, что я подумала о городе, в котором умру: у него есть настоящее, живое сердце. Не успела я ступить на тротуар, а автобус, что привез меня сюда, с шипением отъехать, как я почувствовала пульс Нью-Йорка — он напоминал удары молота о наковальню. Мимо, подчиняясь этому ритму, бегут люди, а я стою разинув рот посреди самой широкой улицы, которую когда-либо видела, впервые ощущая вкус и запах реального мира. Хотя меня назвали в честь девочки, что провалилась в кроличью нору, я чувствую себя так, словно выбралась из темноты и оставила зазеркалье своей прежней жизни позади. Если бы вы оглянулись, увидели бы знак «стоп» на каждом углу перекрестка и машущие на прощание звездно-полосатые флаги маленьких американских городков. Вы бы мельком заметили неухоженные, усеянные выбоинами дороги и круглосуточные магазины без стекол, стоящие напротив таких же заброшенных лавчонок. Рядом с раздвижными стеклянными дверьми вы бы разглядели ржавые морозильники и девятидолларовые бутылки спиртного на

пыльных полках. А если бы вы пригляделись еще внимательнее, возможно, даже нашли бы мое имя — оно нацарапано на полке, между просроченными пакетами картофельных чипсов и выцветшими банками сальсы.

Алиса Ли.

Я здесь, а там была она. А потом она сбежала в Нью-Йорк, оставив прошлое позади.

Вторая мысль, пришедшая мне в голову: я не могу снова провалиться в эту кроличью нору. Даже если мистер Джексон поманит меня своими изящными пальчиками. Мне нужно доказать, что я могу справиться сама, что могу выжить и без него. Я не стану такой, как моя мать, которая прощала любого мужчину, просто потому что он извинился. Я усвоила урок, который она никак усвоить не могла. Стоит мужчине найти твою болевую точку, он никогда не будет прикасаться к тебе как прежде. Не сможет удержаться от того, чтобы не надавить сильнее на больное, и неважно, сколько раз ты будешь из-за этого плакать.

Я никогда не позволю мужчине довести меня до слез. Никогда больше.

Свою дорожную сумку я пристраиваю на бедро, опускаю руку в ее недра. Пока иду, провожу пальцами по черному вулканиту старой Leica¹, спрятанной на дне, нащупываю канавки съёмной линзы. Не знаю, зачем, но хочу

¹ Leica — фотоаппараты, выпускаемые одноименной немецкой компанией Leica Camera AG. Аббревиатура имени создателя Эрнста Лейтца и товара — **камеры**.

Прежде чем ты узнаешь мое имя

убедиться, что камера действительно там, ведь всю дорогу сюда я ощущала ее тяжесть и то, как она бьется о мое бедро. Обвернутая, будто в кокон, моими свитерами, носками и нижним бельем, она не могла исчезнуть из сумки. Но мне все равно нужно убедиться, что Leica в целостности и сохранности, потому что это все, что у меня осталось. Я прихватила ее с собой, и осознание того, что мистер Джексон скоро поймет, что я у него забрала, наполняет меня чувством триумфа. Если этот мужчина не будет скушать по мне, то, по крайней мере, заскушает по тому, как смотрел на меня через эту линзу.

Каждый что-то теряет, Алиса.

Разве не это он сказал мне буквально на днях?

В течение трех великолепных недель в конце лета 1995 года моя мать красовалась на рекламном щите на Таймсквер. Стоя перед старым рестораном Роя Роджерса, вы могли бы посмотреть через улицу и увидеть ее красивое лицо, украшающее стену огромного здания, прямо там, между рекламой ток-шоу Донахью¹ и фильма под названием «Шоугелз», который вот-вот должен был выйти в прокат. Я знаю эти подробности из рассказов моей матери о том лете. Как она сбежала в Нью-Йорк не в силах больше терпеть побои от своего отца. Словно у каждого папаши есть разрешенный лимит на такие вещи — и на

¹ Шоу Фила Донахью (The Phil Donahue Show) — американское телевизионное ток-шоу, ведущий Фил Донахью, которое в течение 26 лет транслировалось по национальному телевидению.

восемнадцатом году маминой жизни этот лимит истек. Она рассказывала, как, со все еще кровоточащей губой, украла деньги из кошелька моего дедушки, чтобы купить билет на автобус из округа Бейфилд, штат Висконсин, в Нью-Йорк, — самое далекое место, которое она смогла придумать. В свою первую ночь в городе, пытаясь не заснуть за дальним столиком какой-то грязной закуской на 8-й авеню, она встретила начинающего фотографа. Еще не забрезжил рассвет, а он пригласил ее в свою квартиру, привел в порядок, а когда она снова стала милой и хорошенькой, заявил, что влюблен в нее. Конечно, он не был влюблен. Или был, но мимолетно, потому что свою богатую жену в Хэмптоне любил больше. Так что в конце концов он бросил мою мать. Она уже была беременна, когда он сделал снимок ее улыбающегося лица, который после красовался на Таймс-сквер в течение трех знойных недель.

— Ты тоже была там, со мной, Алиса Ли, — напоминала она мне. — Все смотрели на нас так, будто мы были частью Нью-Йорка.

Я так и не узнала, сказала ли мать моему отцу, что на самом деле он видел, когда делал этот снимок. Узнал ли он, что его нерожденный ребенок тоже был в кадре. Мельчайшие подробности того, как я появилась на свет, стали смазанными и размытыми к тому времени, когда история дошла до меня.

Вот о чем я теперь думаю. Мы вдвоем на рекламном щите высоко над Таймс-сквер. Тогда мое присутствие

Прежде чем ты узнаешь мое имя

осталось незамеченным, как и сегодня, пока я бреду мимо улиц, вдоль которых выстроились оживленные рестораны и сверкающие вывески, — кроссворд из названий, бегущих по стенам самых причудливых зданий, которые я когда-либо видела. Кем ты должен быть, что должен сделать, чтобы твое имя появилось там?

Всего через несколько недель люди будут говорить обо мне без остановки, а этот город даст мне новое имя. Настоящее станет вопросом, на который никто не сможет ответить, поэтому они будут называть меня Джейн Доу. Мертвая девушка, которая...

Но сегодня мы только в начале пути. Меня зовут Алиса Ли, и я только вышла из перегретого автобуса, только начала пробираться по 7-й авеню города Нью-Йорк. Я бодрa, жива, все еще здесь, вдыхаю специфический запах картона, мочи и металла. Это мой первый час в этом городе. В произошедшем есть порядок, след из хлебных крошек, по которому вам следует пойти. Прямо сейчас я хочу, чтобы вы заблудились вместе со мной, пока я верчу карту, так и этак разглядывая ее на своем подержанном телефоне, наблюдая за синей пульсирующей точкой, определяющей мое местоположение. Пока что я не имею ни малейшего понятия, что значат все эти линии и круги.

И вот мы здесь, на острове. От того, что вокруг вода, каким-то образом становится легче дышать. Меня доставили на оживленный автовокзал с двумя сумками и шестьюстами долларами наличных, а также с адресом, сохраненным в моем телефоне. Мне только что исполнилось

восемнадцать, и существует миллион вещей, на которые я не способна, но с этим заданием я справлюсь. Нельзя назвать это бегством.

Как и моя мать, я ждала, когда мне наконец исполнится восемнадцать. Такая забавная штука эти годы. Определенное количество лет дает вам разрешение на все виды вещей. Вот тебе восемнадцать, и ты вдруг можешь позволить себе все. Происходит ли это в полночь, или через минуту после наступления определенного часа? Возможно, существует какой-то другой способ рассчитать время и подготовиться к этой вседозволенности? Подготовиться к *возможности давать согласие*. Означает ли это, что раньше я не могла определять, на что мне соглашаться, а на что нет? Определенно, мистер Джексон именно так и думает.

Мои пальцы путешествуют по металлу и линзе. Не могу думать о нем, не прикасаясь к тому, что когда-то ему принадлежало.

Раньше и я принадлежала ему.

Теперь же я сама себе хозяйка. Я больше не находящаяся под опекой государства несовершеннолетняя девочка. Всего один день, и больше никакой нависшей над моей головой угрозы, никакого списка незнакомцев, у которых есть власть над моей жизнью и контроль. И вот мне восемнадцать, и теперь ко мне никто не может прикасаться без моего разрешения. От осознания этого я чувствую себя такой легкой, что, если бы не вес сумок, пошла бы вприпрыжку. Широкие, оживленные улицы

Прежде чем ты узнаешь мое имя

Манхэттена, кажется, созданы для того, чтобы забыть о сне в эту первую прекрасную ночь: гудят клаксоны, шипят двигатели, а прохожие слишком громко разговаривают по своим мобильным телефонам.

Я словно огибаю эти звуки, стараюсь избегать всех бетонных трещин и больших, прикрытых металлическими решетками дыр, которые, кажется, встречаются все чаще и чаще. Я понимаю, что это двери подвалов, только после того, как вижу, как некоторые из этих ржавых ловушек открываются, а по потайным лестницам на улицу выбираются мужчины в фартуках с ящиками цветов или пакетами фруктов в руках. Я понятия не имею, откуда у них эти сокровища. За какими такими садами у меня под ногами они ухаживают? Возможно, подо мной живет и процветает целый город. Эта мысль заставляет меня ускорить шаг и подвинуться ближе к обочине, подальше от ям и людей. Я только что поднялась в этот новый мир; не хочу, чтобы что-то или кто-то тянуло меня обратно вниз.

Продвигаясь дальше на север, я верчу головой по сторонам, изучаю каждую незнакомую вещь, приветствую каждую бело-зеленую уличную вывеску, каждую статую Свободы в сувенирном магазине — встречаются огромные, размером с ребенка. Знаки «Халяль» и «Кошер» приветственно мигают, а светофорный человечек меняет цвета. Биение моего сердца, впитавшего пульс города, теперь такое же громкое, как и Нью-Йорк. У меня возникает внезапное желание щелкнуть пальцами и поймать такси, как это делают в кино. Но эта улица ведет